Иван Годенович

. . . — Хочешь ли, Иванушко, женитися?
— Я бы рад жениться, да мне негде взять:
Где я сватаюсь, так тут мне не дают,
Где не сватаюсь, — так две дают,
И две дают, да мне не надобно.
А мне-ка охота съездить в Чернигов-град,
Ко тому ко Митрею купцу Митреевичу,
Мне посвататься Настасьи Митреевишны.
    И собиралась свадьба богатырская,
Собиралося на свадьбу тридцать богатырей,
Старый казак Илья Муромец был легкий друженька,
И ласковый Владимир-князь был тысяцким,
Алеша Попович был подружьем,
Добрыня Никитич был боярином,
Василий Казимерской был шафером,
Молода княгиня была свашенька.
Седлали своих добрых коней,
Накладывали они потнички бумажные,
И на потнички — ковры сорочинские,
На коврички — седелочки черкацкие,
Подтягивали подпруги шелковые,
Садились молодцы на добрых коней,
Поехали молодцы во Чернигов-град.
И подъезжают молодцы ко синю морю,
И стегают коней по тучным бедрам,
И скачут кони через быстрый Днепр,
И недалеко от моря отъехали,
Становились на луга на зелены,
Расставливали шатры полотняны,
И стали в шатрах опочив держать.
Не спится Ивану, не дремлется,
Ему вдвое, втрое грезится.
Выходил Иван из бела шатра,
Говорил Иван таковы слова:
— Ой вы гой еси, мои князья-бояры,

Старый казак Илья Муромец
Со ласковым князем Владимиром,
Со Алешенькой со Поповичем,
Со Добрынюшкой со Никитичем,
Со Васильем сыном Казимерским,
Съездите вы во Чернигов-град,
Съездите на широкий двор
Ко тому ко Митрею купцу Митреевичу,
Посватайтесь Настасью Митреевишну!
Туто молодцы не ослушались,
Поехали они скоро в Чернигов-град
Ко тому ко Митрею купцу Митреевичу,
И едут они на улицу на широку,
И бегут они ко двору широкому,
Со добрых коней молодцы соскакивают,
Ни к чему коней не привязывают,
Никому они коней не приказывают.
Воходили во светлую светлицу,
Во тое палату белокаменну,
И крест кладут по-писаному,
Поклон ведут по-ученому,
И сами говорят таковы слова:
— Здравствуешь, Митрей, гость-купец!
— Добро жаловать, удалы добры молодцы,
Ты, старой казак Илья Муромец
Со ласковыми князем Владимиром,
Со Алешенькой со Поповичем,
Со Добрынюшкой со Никитичем,
Со Васильем сыном Казимерским,
За один бы стол со мной хлеба кушати!
— Мы пришли к тебе не столы столить,
Не пиры пирить,
А со добрым словом, со сватаньем —
Молоду Настасью Митреевишну
За того Ивана за Годенова.
Проговорит Митрей, гость-купец:
— И ладно бы, ладнешенько,
Да вечор было поздным-позднешенько —
Прилетал Кошшеишшо Бессмертный,

Запросваталась Настасья за Кошшеишша,
Обручилася перстнями однозолотными.
    И тут молодцам за беду стало,
Надевали шляпы черны, сами вон пошли.
Идут на улицу на широку,
Садились молодцы на добрых коней
И бегут во дально во чисто поле
И к тем шатрам белым полотняным.
И встречает их Иванушко на радостях,
И спрашиват: « Высватали ль вы
Настасью Митреевишну?»
— И наше несчастье великое:
И вечор было поздным-поздно —
Прилетал Кошшеишшо Бессмертный
И запросваталась Настасья за Кошшеишша,
Обручилася перстнями однозолотными.
    Тут Ивану за беду стало:
— Сгой еси, мои удалы добры молодцы,
Возьмемте мы Настасью нечестно,
Увеземте мы Настасью во свою землю!
    Туто молодцы не ослушались,
Поехали они во Чернигов-град
Ко тому ко Митрею купцу Митреевичу.
И едут они на широкий двор,
И пили они туто, гуляли, забавлялися,
Забавлялись трои суточки.
И брали они Настасью за белы руки,
И за те перстни за злаченые,
И садили они за Ивана Годенова,
И повезли во свою землю.
И едут они ко синю морю,
И стегают коней по тучным бедрам,
И скачут кони через быстрый Днепр.
И тут Настасья испугалася,
Ее белые ручки отрывалися,
И падала она во быстрый Днепр.
На лету старый казак Настасью подхватывал
И садил за Ивана Годенова.
Неподалеку от моря отъехали,

Попал им звериный след —
И прошел вепришшо-кабанишшо.
И отсылали туда десять богатырей.
Неподалеку они опять отъехали,
Попал им опять звериный след —
Прошла-де лань златорогая.
Отсылали они опять десять богатырей,
Опять завечали на участь на Иванову.
Опять неподалеку отъехали,
Попал им опять звериный след —
Прошла кобыла серо-пегая.
Опять отсылали они десять богатырей,
Опять завечали на участь на Иванову.
Остался Иванушко с Настасьюшкой.
Неподалеку он отъехавши,
Подъезжал Иван ко сыру дубу,
Слезает Иван со добра коня
И снимает Настасью Митреевишну,
И разоставил Иван бел шатер,
И стал с Настасьей опочив держать.
И немного поры-время миновалося,
Опочивал он с Настасьей три часа,
И прилетал Кошшеишшо Бессмертный,
И садился он на сырой дуб крековистый,
И зычал-кричал зышным голосом:
— Ах, не честь твоя, хвала молодецкая,
Иван Годенович,
От жива ты мужа жену берешь!
Не пора тебе лежать во белом шатре,
Пора тебе выходить со мной переведаться!
Выскакивал Иван из бела шатра
В одной тоненькой рубашке без пояса,
Во одних тоненьких порточках без чоботов.
Сохватались добры молодцы ручным боем.
У Ивана борьба не ученая,
Не ученая — роженая:
Сохватал Кошшеишша Бессмертного,
Он ударил его о сыру землю,
Садился ему на черны груди,

Сам говорил таковы слова:
— Сгой еси, Настасья Митреевишна,
Неси ты мне ножище-чинжалище,
Распорю я у Кащея груди черные,
Посмотрю я сердце богатырское.
И тут Настасья не ослушалась,
Идет она из бела шатра,
Несет ножишшо-чинжалище.
И проговорит Кошшеишшо Бессмертный:
— За него ты выйдешь — будешь слыть поляницею,
За меня ты выйдешь — будешь слыть царицею,
И будут тебе поклоняться тридцать идолишшов!
Тут Настасье за беду стало,
За великую досаду показалося,
Сохватала Ивана за черны кудри,
Сдергивала с Кошшея Бессмертного.
И привязали Ивана ко сыру дубу,
И стали с Кошшеем опочив держать,
Опочив держать во белом шатре.
Немного поры-время миновалося,
Прилетели два голубя,
Прилетели два сизые
И садилися на сырой дуб крековистый.
Увидал их Кошшей из бела шатра,
Сам говорил таковы слова:
— Гой еси, Настасья Митреевишна,
Прилетели два голубя,
Прилетели два сизые.
И говорит Настасья Митреевишна:
— И не два голубя, не два сизые,
Это наша с тобой смертонька!
Выскакивал Кошшей из бела шатра,
Брал Кошшей свой тугой лук,
Накладывал калену стрелу
И стрелял он в двух голубей.
На лету Алешенька стрелу подхватывал
И подает старому казаку Илье Муромцу.
Поворачивал старый казак калену стрелу
Востреем на Кошшея Бессмертного и бросил,

Ушиб Кошшея до смерти,
И расшиб ему груди черные.
И улетели два голубя.
И выходила Настасья из бела шатра,
И говорила Настасья таковы слова:
— Что ты, Иванушко Годенович,
Не будешь ли меня бить, бранить?
— Я тебя, Настасья, не буду бить, бранить,
А только буду, Настасья, на ум учить.
Тут Настасье за беду стало,
За великую досаду показалося,
И берет она саблю вострую,
И берет она чуден крест:
— Вот тебе, Иван Годенович, чуден крест
И вот тебе сабля вострая.
И поднимат она саблю выше буйной главы,
И хочет ему ссечь буйну голову.
По кудрям его сабля покатилася
И обрезала все ченбуры богатырские.
Иванушко встал тут на радостях,
Собирал свой бел шатер полотняный,
И садился Иван на добра коня,
И садил он Настасью Митреевишну.
Везет к колодцу глубокому.
— Слезай, Настасья Митреевишна,
Слезай со добра коня,
Обмывай свое тело грешное.
Обмыла Настасья свое тело грешное.
Взял он у ней уши обрезал:
— Эти мне уши не надобны —
Слушали речи Кошшеишша.
Взял он у ней глаза выкопал:
— Прилещались очи, глядючи на Кошшеишша.
Ноги ей взял обсек:
— Оплетали оне Кошшея Бессмертного.
Руки обрезал ей:
— Эти руки мне не надобны —
Обнимали Кошшея Бессмертного.
Схоронил ее тело белое,

Поехал в свое отечество.

(Зап. С. И. Гуляевым со слов крестьянина Леонтия Тупицына в Барнауле (Алтай))

Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока, 1991.